

ДОКЛАДЫ

Даниил Гранин¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Мне симпатична идея Карла Поппера о том, что ход человеческой истории в значительной

¹ Соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП. Автор книг «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Интеллегенды» и др.

степени зависит от роста человеческого знания. Знания, открытия непредсказуемы, поэтому непредсказуем ход истории. Непредсказуемой была эпоха информатики. Она создала коммуникативность мира, глобализацию. Историю движет не так идеология, не так религия, как наука и техника. Остановить это развитие невозможно, оно сопровождает человечество с момента появления

мышления. Какова тут роль культуры? Гуманитарных наук? Без них был бы человек — творцом? Можем ли мы жить без идеи, без богов, без музыки? Усмирение наук — необходимость? Как все же повлиял, допустим, Интернет на ход новейшей истории? Или освоение космоса? Мобильники? Телевидение и т. п.? Мир стал коммуникативен, он живет в режиме онлайн... И что все это может определять? Жизнь все меньше воспринимается чувствами, виртуальная реальность заменяет непосредственные эмоции, искусство живет без слез, восторгов, потрясений?

Я считаю, что самая большая ценность человеческой жизни, что придает ей какой-то смысл (ведь жизнь кажется совершенно бессмысленной; и сколько бы ни было попыток найти облегчающий смысл нашей жизни, облегчающий перед лицом смерти, полного исчезновения, ничего из этого не выходило), так вот, единственное, что как-то освещает и освящает человеческую жизнь, — это любовь. Один сделал научное открытие, другой написал книгу, третий снял фильм, сочинил пьесу — все это не поглощает человека. Единственное, что его поглощает полностью, — это чувство любви. В любви человек раскрывается наиболее полно. Все искусство рождалось и выросло из любви, причем любви самой разной — любви и восхищении перед женщиной, перед природой, перед чудом жизни. Любовь к этому миру и любовь к Богу — для многих одно и то же. Если чувство любви не посетило человека, у такого человека, мягко говоря, — неполная жизнь. Я не знаю, может быть, любовь — это дар свыше, а может быть, это способность человека, которая есть у каждого, но далеко не каждый может ее реализовать. Потому что есть много всяких заменителей, всякой фальши. Есть секс вместо любви, есть другие ценности, которые нам кажутся более существенными. Все они приносят быстрые разочарования. Но что характерно: из чего возникла поэзия? Из любви. Из чего возникла проза? Из любви. Из чего возникла живопись, скульптура? Мировая культура? Из любви. В основе лучших образцов культуры и искусства — любовь.

Новейшие авангардные течения, где отрицается реальность, нравственные основы, любовь, отрицается сюжет, отвергается нормальный язык, свергаются кумиры, меня не интересуют. Такое всегда было и, наверное, всегда будет. У меня есть твердые ценности, которые мне помогают, которыми я восхищен, они помогают мне верить в искусство, в его силу.

Приведу пример с Шолоховым. В течение многих лет идут яростные споры о том, Шолохов автор «Тихого Дона» или нет, как он мог написать такое многоплановое произведение в столь юном возрасте: мол, для этого у него не было ни жизненного опыта, ни знаний. Были и компьютерные исследования по поводу его авторства, вышло много книг на эту тему. Меня много раз про это спрашивали — мне это не интересно. То есть, конечно, любопытно, так же, как любопытно, кто был Шекспир на самом деле. Но Шекспир есть, мы имеем его пьесы. Есть «Тихий Дон», это

громадное, великолепное произведение, эта книга — лучшая книга о любви. Где еще так страстно и трагически рассказано о любви, как у Шолохова — о любви Григория и Аксиньи? Какая еще книга в русской литературе в этом смысле может сравниться с «Тихим Доном»? Даже романы наших гигантов Толстого и Достоевского не могут сравниться с шолоховским изображением любви. Меня очень трогает эта книга. Вот что дорого. А исследования, касающиеся того, кто написал эту книгу, меня не интересуют. Есть в культуре ценность — «Тихий Дон», от которой я не желаю отказываться, независимо от того, кто автор.

То же самое Шекспир. Человеческая история создала незыблемые ценности искусства, так же, как и наука создала законы, положенные в основу развития человечества. Эти законы могут расширяться, дополняться, но есть среди них основополагающие — закон сохранения энергии в науке, закон любви в искусстве. И никакой авангард меня не заставит от них отказаться. Литература — это не электрический ток, который должен непрерывно работать. Великую литературу заносит песком чтива, нет сегодня гениев в нашей русской литературе — появятся завтра. Например, достижения советской культуры кажутся не такими значительными, какими они казались для своего времени. Сегодня судить о них сложно. Надо понимать, что значили, допустим, Тендряков, или Твардовский, или Товстоногов в то время, когда они творили. Ныне же остается только текст или воспоминание.

Нынешний текст Евтушенко «Бабий Яр» не может так поразить читателя, как это было в семидесятые годы. Однако трагедию Софокла «Царь Эдип» можно посмотреть сегодня, сопереживая сильно, чуть ли не до слез. И читать стихи Пастернака, такие как «В больнице». Значит, есть в произведениях временная составляющая, а есть вечная, а какая из них важнее и нужнее, вопрос бессмысленный.

Человек со времен Архимеда и Диогена не изменился. Нет никакой разницы между человеком современным и прошлых веков. Человек не становится умнее, мудрее. И двести, и четыреста лет назад общество имело разумные традиции, мораль, свои правила и чести, и взаимоотношений.

Если нам интересно читать то, что написано Еврипидом или Софоклом, то, значит, никакой разницы между людьми того времени и нашего времени нет. В древнем мире еще до рождения Христа было много мудрейших и умнейших людей, великолепных художников, скульпторов. Мы по-прежнему любим их творениями. Никакие безобразия, которые случаются в современном искусстве, не могут умалить красоты Венеры. Художник должен быть свободным человеком, вне моды, вне течений, вне манифестов. Ему дан талант, неповторимый голос, который заменить никто не может. Он должен осуществлять себя, а не моду.

Возьмите список Нобелевских лауреатов за 100 лет: там много фамилий, которые сегодня совершенно никому не известны, но там много фа-

милий и замечательных писателей, которые остались для нас по-прежнему украшением мировой литературы.

Художник должен иметь собственное мнение. Так, «Собственное мнение», назывался один из моих рассказов, который не понравился Молотову. У художника всегда сложные отношения с миром и с властью. Я не знаю художника, который бы относился хорошо к власти. Художники старались как-то гуманизировать власть. Такое стремление было, допустим, у Державина, да и у Пушкина. Гёте был тайный советник в Веймаре, при маленьком дворе. У Эккермана в «Разговорах с Гёте» есть замечательная сцена: идут Гёте и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гёте отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановой толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гёте была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. «Чтобы что-то создать, надо чем-то быть», — говорил Гёте.

Наверное, в разные эпохи, в разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то — менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то — меньше. Но «эра милосердия» пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примерные решения которых дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.

«Даже в случаях тупиковых, — говорил Дмитрий Сергеевич, — когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос». Лихачев создал образ защитника культуры.

Все устроено, выстроено в этой Вселенной для человека, все физические постоянные приспособлены для существования человека, а он сам для чего? Ответа нет и не предвидится. Драма отсутствия общей идеи жизни. Например, Чехов не скрывал своего незнания этой идеи. «Не знаю», — признавался он, отказываясь от поверхностных ответов. После операции, которую мне делали, я спросил хирурга: «А что такое сердце? Вы столько сердец держали в руках! Что же такое сердце?» Он мне сказал: «Сердце — это насос, и больше ничего. Насос, клапаны». Я говорю: «А откуда же выражение “сердечный человек”, “бессердечный”?» Он говорит: «Это все ваша литература». Для врачей сердце — табу. Сердце — насос, и они обращаются с ним, как с насосом. И в этом их правда и сила. Им не надо все остальное, так как оно будет им мешать. «Сколько ни вскрывали, — говорят врачи, — никогда не видели, чтобы из человека вылетала душа». Есть вещи запредельные. Большой художник проникает дальше, чем обычные люди. Он видит такие вещи, каких мы не видим. Это его преимущество, свойство гения, его отличие

от таланта. Гений видит неоткрытые звезды. Искусству не надо бояться изображать безвыходные, ужасные ситуации, которых напрасно избегает литература, а жизнь то и дело упирается в них.

Школьников, студентов надо обучать искусству на его высочайших образцах. Для процесса образования из всей нашей литературы я бы выделил четыре произведения, наиболее значимых — «Станционный смотритель», «Шинель», «Тамань», «Студента» Чехова. В них сосредоточены и сила, и глубина русской литературы. Они выделяются неразгаданностью, любовью к человеку, красотой, чудом языка и тайной многозначности.

Проходить в школе «Войну и мир» невозможно, проходить «Идиота» невозможно. Проанализировать в школе можно маленькую вещь, чтобы ее почувствовать, понять, какие в ней тайны. Что такое «Студент»? Это рассказ на три страницы. И Чехов считал его лучшим своим рассказом. А что там? В чем его очарование, ведь там ничего особенного не происходит. Студент рассказывает бабам-крестьянкам историю того, как трижды апостол Петр отрекся от Христа, не устоял, отрекся и заплакал. Слушая студента, растроганные бабы тоже заплакали, потому что то, что происходило в душе апостола Петра, им было близко. Студент пошел дальше, думая о том, как прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий: дотронешься до одного конца, дрогнет другой. Это очень интересно.

Я думаю, что школьника и любого человека иногда надо ставить в тупик, чтобы он понял, что человек — это тайна. Мы сами не знаем, почему мы поступаем так или иначе. Многие в этом мире находятся вне логики, вне разума. Мы слишком преклоняемся перед рациональным, научным, научно объяснимым, мы не оставляем места чуду. Жизнь — это чудо, и надо, чтобы человек ощущал это чудо.

«Просвещение без нравственности идеала несет в себе отраву», — говорил Н. Новиков. В этой связи я должен сказать, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — один из немногих, который соответствует самому названию «университет». Ленинградским (или петербургским) и многим московским университетам не хватает одного важного качества. Университет — это сообщество, сообщество от слова «общение». Ну что за университет наш петербургский, так сказать «большой», университет? Он очень хороший по качеству своих преподавателей, но факультеты там не имеют возможности общаться. А ведь университеты создавались исторически как возможность взаимодействия наук, научного общения. Это элементарно, это все знали, а вот получилось так, что нынешние университеты (Университет культуры, «большой» университет, ЛИТМО и прочие университеты) не имеют возможности общения. В СПбГУП эта возможность есть, и она прекрасно реализуется. А это, по-моему, и есть очень важное качество для университета.